

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

РОМАН О КОНЦЕ ОДНОГО МИРА

Дерябов Юрий

16+

Юрий Дерябов

Забытое имя

<https://litres.ru/74337919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Память угасает, но прошлое требует быть услышанным. Старик, скрывавший своё настоящее имя десятилетиями, спешит рассказать сыну и внуку историю своей жизни — от тихого горного пастбища до кровавых осад Рима и Равенны.

Пройдя через готские войны, голод, плен и скитания по Средиземноморью, он оказывается в египетской Дельте, где на фоне чужбины и смертоносной эпидемии обретает не просто спасение, но любовь и право снова назвать себя по-настоящему.

Это масштабная историческая сага о закате Античности, рассказанная от первого лица, — исповедь человека, видевшего крушение империй, но нашедшего главное в одном-единственном имени.

Содержание

Роман о конце одного мира	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юрий Дерябов

Забытое имя

Роман о конце одного мира

Пролог

Меня будят запахи раньше, чем звуки, — так было всегда, а теперь, когда память стала пускать в дом не всех подряд, запахи, кажется, остались последними гостями, которых она ещё узнаёт в лицо. Сегодня это ил и лёгкий тростниковый дым, а под ними, слабее, — молоко, которое кто-то забыл на огне и не уследил.

Свет в комнате плоский, серый, ранний. Значит, часу до еды ещё далеко, но кто-то уже встал, и я не сразу вспоминаю зачем, а потом вспоминаю не зачем, а то, что где-то рядом должен быть пёс, и его нет, и это неправильно.

— Где Хунд? — говорю я в потолок, в тёмные пятна на тростниковой кровле, которые никак не складываются в один узор. — Опять убежал за кошкой. Я же велел на ночь привязывать.

Кто-то садится рядом на край лежанки — тяжело, по-мужски, с тем особым кряхтением, с каким садится человек, проделавший это движение уже много раз именно так. Виктор. Сын узнаётся по этому кряхтению раньше, чем по лицу, и

от этого мне почему-то спокойнее — будто узнавание через звук надёжнее, чем через глаза.

— Отец. — Голос у него тот особый, ровный, каким говорят с больным ребёнком или с очень старым отцом. — Хунда давно нет. Ты сам мне рассказывал про него сто раз. Хороший был пёс.

— Давно, — повторяю я, и слово не держится, соскальзывает, как галька с мокрого камня. Потом снова, уже без пса, без всякой опоры: — Позовите Гунду. Скажите ей — я не то хотел, пусть не уходит в лес. Я тогда не то хотел сказать.

Виктор не отвечает сразу. Такое молчание я тоже, кажется, знаю — молчание человека, который решает, поправлять ли старика или переждать. Он выбирает переждать. Берёт мою руку — не сжимает, просто держит, тепло, немного шершаво: рука человека, который всю жизнь работал не пером, а сетью и веслом.

В углу, у двери, кто-то ещё. Меньше ростом, тише. Внук — это понимается быстрее, чем имя, но и имя приходит следом, само, не через усилие: Кир. Он сидит на пороге на корточках и разглядывает происходящее без всякой опаски — так разглядывают что-то незнакомое и оттого интересное, а не страшное. У детей ещё нет привычки бояться того, чего боятся взрослые.

И вот тут — не постепенно, не так, как проясняется небо, а разом, будто кто-то с той стороны стекла провёл по нему сухой тряпкой, — становится ясно. Не всё. Но достаточно.

Я знаю, где я. Дельта, наш дом, утро; немолодой уже сын держит меня за руку так, как когда-то за руку держал я — только другого ребёнка, у другой воды. Я знаю, что Хунда нет полвека с лишним. Я знаю, что Гунды нет ещё дольше и что лес, в который она ушла, давно уже не тот лес и даже не в этой части света. Я знаю, что зовут меня здесь Мина — так меня крестили, так меня знает вся округа, так меня звала жена, упокой Господь её душу, все годы, что мы прожили вместе под этим небом, а не под тем, другим, под которым я родился.

И одновременно с этим знанием — не вместо него, а рядом, вплотную, впервые за очень долгое время без зазора между ними, — я знаю и другое имя. То, что легло глубже всех остальных, потому что легло первым.

— Меня зовут Вульфарайкс, — говорю я. Ровно, без нажима — как говорят то, в чём не сомневаются.

Рука Виктора на мгновение сжимается крепче.

— Отец. — Он наклоняется ближе, ищет в моих глазах ту муть, что была минуту назад, не находит и от этого тревожится ещё сильнее, чем от самой мути. — Отец, ты дома. Я Виктор. Ты меня знаешь.

— Я знаю, кто ты. — Это правда, и я хочу, чтобы он услышал именно это: не спутанность говорит сейчас, а что-то ровно ей противоположное. — Я знаю, кто ты, и знаю, кто я. Меня зовут Вульфарайкс.

Он молчит. Пятьдесят с лишним лет он звал меня одним

именем — единственным, какое вообще знал, — и вот отец, которого он всю жизнь звал этим именем, называет себя другим так спокойно, будто оно и было всегда, а то, первое, — недоразумение. Я вижу, как эта мысль в нём оседает, и мне жаль его — и всё равно я не могу взять слова назад, потому что это не спутанность, а, кажется, самое честное, что я сказал за многие годы.

От двери — голос, тонкий, без всякого страха, с одним только открытым, чистым любопытством, на какое способны лишь те, кому нечего вспоминать и не с чем сравнивать:

— А кто такой Вульфарайкс?

Я поворачиваюсь к порогу. Не к сыну — к мальчишке, к barn, как в доме, где я родился, называли ребёнка, любого, родного или чужого, — и это слово приходит вместе с именем, из одного с ним слоя, до которого добираешься, только когда всё, что лежало сверху, наконец истончилось. Он смотрит на меня без опаски и ждёт ответа так, как ждут начала сказки, а не диагноза.

И я вдруг понимаю, зачем, кажется, не спал всё это утро, — хотя минуту назад не мог вспомнить зачем.

— Иди сюда, — говорю я и хлопаю ладонью по краю лежанки рядом с собой. — Сядь. Я расскажу тебе, кто такой Вульфарайкс.

Виктор хочет что-то сказать — может быть, что отцу нужен покой, а не разговоры, — но не говорит. Может быть, потому что видит на моём лице не муть, а что-то настоящее,

впервые за много недель. Мальчик подходит и забирается на лежанку с той бесцеремонностью, с какой дети садятся рядом со стариками, не спрашивая позволения. От него пахнет разогретой солнцем кожей и чем-то сладким, что он, видно, стащил утром без спроса. Хороший, живой запах. Из тех, что помнятся.

— Только слушай внимательно, — говорю я ему, — потому что я, кажется, не всегда буду это помнить. А когда забуду совсем, эта история должна остаться хоть у кого-то, кроме меня.

Он кивает серьёзно, как кивают дети, когда взрослый вдруг начинает говорить с ними как с равными.

И я начинаю с самого начала — с деревни, которую нигде, ни разу за долгую жизнь, я не назвал вслух по имени, хотя имя у неё, конечно, было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.